

Кочергина Ирина Владимировна

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА

В статье делается попытка систематизировать взгляды критика и публициста Ю. И. Айхенвальда (1872-1928), касающиеся революции в целом и революции 1917 года в России. Прослежена эволюция данных воззрений в его статьях, проанализированы некрологи и мемуары, в которых затронута эта тема. Особое внимание в статье уделено книге Айхенвальда "Поэты и поэтессы", подробно проанализировано эссе "Гумилев". В конце статьи сделан вывод, что отношение Юлия Айхенвальда к революции менялось: от рецепции ее как долгожданного события в феврале 1917 года через активное неприятие захвата власти большевиками в 1918 году к яростной вражде против советской власти и большевистского режима к 1922 году.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 25-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Стоит указать на биографические истоки неприятия О. М. Куваевым потребительского мировоззрения. Для него был характерен максимализм, негативное отношение ко всему удобному, уютному, мещанскому. Бескомпромиссность по отношению к потребительству проходит через все творчество О. Куваева, характеризует писателя и в быту. Следующие высказывания исследователей подтверждают эту мысль: «Писатель понимал, что одна из “страшных сил”, которая проникает в нашу жизнь, – мещанский конформизм во всех его проявлениях. Преклонение перед престижем, “накопительство-приобретательство” и т.д. при жизни делают человека глухим, слепым и мертвым ко всему, кроме мечты о собственных “Жигулях” и даче» [3, с. 10]; «...он был неизменно враждебен суетности, инстинктивно противился всяким разговорам о мелочах быта, вообще о мелком, не общеинтересном» [5, с. 8].

Таким образом, в двух повестях О. М. Куваева мы находим образ деревни, схожий с тем, что обнаруживается в произведениях представителей деревенской прозы. Символическим содержанием наполняется и сама деревня, и крестьянский дом.

Список источников

1. Куваев О. М. Избранное: в 2-х т. М.: Мол. гвардия, 1988. Т. 1. 527 с.
2. Куваев О. М. Избранное: в 2-х т. М.: Мол. гвардия, 1988. Т. 2. 525 с.
3. Минин Н. А. Проза Олега Куваева: истоки, проблематика, поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1983. 18 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1973. 846 с.
5. Портреты, сделанные по памяти: жизнь и творчество писателей Крайнего Северо-Востока / сост. Л. И. Юрченко; вступ. ст. И. В. Осмоловской. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 126 с.

THE IMAGE OF THE VILLAGE IN STORIES BY O. M. KUVAEV

Epanchintsev Roman Vyacheslavovich, Ph. D. in Philology
North-Eastern State University, Magadan
tenebre@rambler.ru

The article examines the image of the village in two stories by the famous Russian prose writer of the second half of the XX century O. M. Kuvaev. The description of the specific features of Kuvaev's village is given. The function of the image in revealing the idea content of the work is noted. The paper singles out a special way of realizing the image of the village – through the image of a peasant house. The conclusion is made that the interpretation of the image of the village and its inhabitants is similar to that of Kuvaev and the representatives of rural prose of the 1960s-70s. The author compares the image of the village of Kuvaev's stories with similar images of his stories close to the period of writing.

Key words and phrases: O. M. Kuvaev; story; village; image; town; urban civilization; patriarchal values.

УДК 8; 82.09

В статье делается попытка систематизировать взгляды критика и публициста Ю. И. Айхенвальда (1872-1928), касающиеся революции в целом и революции 1917 года в России. Прослежена эволюция данных воззрений в его статьях, проанализированы некрологи и мемуары, в которых затронута эта тема. Особое внимание в статье уделено книге Айхенвальда «Поэты и поэтессы», подробно проанализировано эссе «Гумилев». В конце статьи сделан вывод, что отношение Юлия Айхенвальда к революции менялось: от рецепции ее как долгожданного события в феврале 1917 года через активное неприятие захвата власти большевиками в 1918 году к яростной вражде против советской власти и большевистского режима к 1922 году.

Ключевые слова и фразы: критика; эмигрантика; русское зарубежье; Ю. И. Айхенвальд; революция 1917 года; периодика; «философский пароход».

Кочергина Ирина Владимировна, к. филол. н.
Школа № 57, г. Москва
irepismo@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА

Вопрос об отношении критика и публициста Юлия Исаевича Айхенвальда к революции затрагивался в последние десятилетия в ряде работ [12; 14; 27], однако воедино все материалы по этому вопросу собраны не были. Данная работа является попыткой обобщить уже известные данные и рассмотреть его суждения по этому поводу в публицистике и критике, а также некоторые биографические факты, не введенные до этого времени в научный оборот.

Как и многие в среде русской интеллигенции, с Февральской революцией 1917 года Юлий Исаевич Айхенвальд связывал большие надежды [3]. Можно сказать, что он отнесся к ней с воодушевлением, хотя уже тогда его настораживали многие процессы, происходившие в России. Тогда же он в книге «Свобода слова» писал:

«...чтобы революция не разочаровала, она не должна впадать в противоречие с самой собою, т.е. не должно быть, в первую очередь, ни явных, ни тайных, ни грубых, ни более тонких насилий над свободой слова». И с возмущением перечислял факты захватов типографий газет представителями Советов народных депутатов, цензуры со стороны тех же органов и других ограничений свободы слова [9, с. 8]. Одушевление сквозит в его статьях, написанных после Февральской революции. Керенского он сравнивает с Муцием Сцеволой и говорит, что тот кладет на огонь «свою душу», что он «врач» России, «болеющей матери нашей» [4, с. 38]. Главные надежды Айхенвальд связывает с Учредительным собранием [Там же, с. 67].

Однако революционная практика 1917 года, а затем большевистский переворот привели его к полной переоценке ценностей в этой области. В результате он полностью изменил свою точку зрения по поводу революционных скачков в развитии общества – пришло понимание, что всем революциям присущи общие черты: беззаконие, насилие, государственный хаос, выливающийся в диктатуру, гражданская война.

Айхенвальд относился к числу тех людей, которые, будучи свидетелями массового насилия и социальной катастрофы, не могут оставаться в стороне: так литературный критик превращается в политического публициста. До середины 1918 года еще выходили антисоветские газеты, еще можно было довольно свободно писать обо всем и высказывать любые политические взгляды. Айхенвальд печатается в газетах кадетской ориентации «Раннее утро», «Свобода», «Речь» и др. В этом же году он собирает свои публицистические статьи в книгу под названием «Наша революция. Ее вожди и ведомые».

Остановимся подробнее на его воззрениях по поводу революции как социального явления. Вот что он пишет в 1918 году: интеллигенция «хотела, она ждала низвержения корон, но не отдавала себе отчета в том, какую детонацию неминуемо повлечет этот основной взрыв и на какую голову перейдет шапка Мономаха...» [8, с. 1], любая революция представляет собой «организованное насилие» [6, с. 1]. Оказавшись в эмиграции, он по горячим следам напишет в 1923 году, осозная пережитое: «Когда с преступным легкомыслием затевают хаос, притаившийся было под уснувшими бурями, и на этот зов послушно является всегда готовый к убийственным услугам дух стихийного беспорядка, дух безудержного разрушения, то заклясть его уже нельзя, и он идет гораздо дальше, чем от него первоначально хотели» [19, с. 2] (с 1922 по июнь 1925 года критик печатался в эмиграции под псевдонимом Б. Каменецкий, в последующее время – под своей настоящей фамилией). Называя революцию локомотивом, который «мчит не вперед, а назад», «злом в облике добра» [23, с. 2], которое манило установлением царства справедливости, равенства и братства, он говорит о том, что, соблазнившись быстрым и радикальным решением земельного вопроса, Россия в одночасье потеряла все.

Неприятие революционных изменений в обществе Айхенвальдом объяснялось, прежде всего, тем, что он «был противником всякого насилия, через которое его нежная и чуткая душа никак не могла перешагнуть. Отсюда непримиримая, буквально всепоглощающая ненависть к большевикам» [13, с. 164].

Отрицательное отношение Айхенвальда к революции вообще и к послереволюционному периоду в России в частности коренилось и в его отношении к Слову как непреходящей ценности и некой мистической сущности, которая определяет бытие народа. М. Риппинг справедливо указывает, что «настоящее религиозное отношение было у Айхенвальда к литературе, к Слову, которое являлось для него неким божественным откровением» [28, с. 20]. Григорий Ландау напишет в некрологе Айхенвальду: «Слово для Айхенвальда – основная стихия искусства, его гегемон... носитель и зачинатель всего мира духовного» [25, с. 5]. Ограничения свободы слова, цензура, аресты за критику в адрес советской власти – все это вызывало его глубокое возмущение: он пишет, что при большевиках «не стало свободы слова» – «надо спасать слово» [4, с. 12].

Абсолютно чужд ему был не только классовый подход, но вообще материалистический примат «базиса» над «надстройкой». Любое уничтожение культуры, памятников, ценностей дореволюционного мира, мира по преимуществу дворянского, и внедрение так называемого классового подхода вызывало у него абсолютное неприятие: «...во имя какой высшей справедливости и правды разорено родовое гнездо, сожжена усадьба, обездолена и бездомной сделана почти 90-летняя старуха, вырублен благородный сад, где жили отжившие души предков... нашу хрупкую культуру теперь разрушает всесловный хам» [2, с. 1]. Органически не принимая по своим философским взглядам любой позитивизм, как он называет это, «базаровщину», он видит в попытках свести все к материальному желание уничтожить свободную жизнь духа и порожденную ей культуру: «Его (коммунизма. – И. К.) беспримерная жестокость проистекает как раз именно отсюда, и она идет от жесткости той материи, которой он себя добровольно поработил... Воинствующий материализм, материя, которая пошла на дух, бунт вещества – это не могло не сказаться огромным уничтожением...» [18, с. 2].

Он не приемлет идеи преимущества одного класса над другим, и тем более пролетариата – в беднейшем населении он не видит потенциала для настоящего государственного и культурного строительства. В первый год эмиграции он напишет об этом: «...как нет для пролетариев особой таблицы умножения и не придумывал для них Пифагор особой теоремы, так и не было и нет, и не будет для них особого искусства, особой науки, особой философии. Самозванные радители пролетариата приписывают ему какую-то мессианскую роль, печать избранничества, но искусство вербует своих избранников не по признаку классовых примет» [21, с. 3].

Айхенвальду был свойствен, по справедливому замечанию М. Риппинг, евроэстетический стиль мышления [28, с. 22]: его сформировало изучение и переводы Шопенгауэра, классиков европейской литературы, общение с выдающимися отечественными мыслителями и философами (В. С. Соловьевым, С. Н. Трубецким, С. Л. Франком и др.), сотрудничество в журнале «Вопросы философии и психологии». В центре его аксиологии стояли личность, свобода, творчество, жизнь духа. Мир его был культуро- и литературоцентричен. В уничтожении культуры и ее носителей критик видел попытку истребить сам дух, душу, основу народа. Человеческий дух, по мнению Айхенвальда, в процессе творчества создает прекрасное, и поднимающий руку на это прекрасное уничтожает первоосновы бытия.

Большевистский переворот открыл Айхенвальду глаза не только на природу и практику любой революции, он вызвал у писателя глубокое неприятие. Еще только устанавливалась под орудийные раскаты новая власть в Москве, а критик уже писал: «Чем бы ни закончилось движение большевиков, оно означает то, что Россия занимается самоубийством...» [4, с. 49].

Самых большевиков критик воспринимает как силы Тьмы, порождение дьявола, часто подчеркивает, что большевики – «поработители», «исказители» русского духа [22, с. 3]. Глубокий протест у него вызывает гонение на православие в Советской России, в частности, он болезненно воспринимает казни священников, отмену празднования Пасхи как главного православного праздника [Там же]. Все это он трактует как «угашение духа», подрывание сущностных основ русского народа; считая религию основой бытия русского народа, критик видит в «бескредном походе против религии» [Там же, с. 2] попытку лишить народ духовности.

Наконец, Айхенвальд не принимает саму власть большевиков, поскольку они попирают нравственные законы, и здесь он особенно непримирим. Именно нравственным критерием, который в дореволюционный период у него далеко не являлся основным [24], он меряет людей, события и литературные произведения в эту эпоху; сразу после октября 1917 года он пишет, что «наше социалистическое отечество» заслужило Нобелевскую премию за «обильный вклад» в «отдел социальной патологии» [1, с. 1]. Уже в эмиграции он выскажется еще более определенно: «...обезумленная Россия показала миру ужасное зрелище – помешательство целой страны, умственное и нравственное» [18, с. 2]; «...никем еще не было брошено такого принципиального вызова всем человеческим и божеским ценностям, как именно большевиками, никто еще не писал такой наглой теоретической апологии братоубийству, и никто еще не осуществлял его так в своей страшной практике. Они достигли пределов государственного цинизма; они разбили все мыслимые скрижали, они надругались над всеми святынями» [20, с. 2].

Особенно упрекает он большевиков в том, что они разбудили дремавшие в народе «темные силы», революция «обнаружила темные и зловещие провалы народной психики» [19, с. 2]. Обвиняя их в разжигании войны «на русско-русском фронте», он говорит и об извращении ими идеи социализма как светлой мечты человечества: «...вместо равенства и братства они только расширили человеческие кладбища» [4, с. 51].

Сама коммунистическая идея «общемирового интернационала» кажется ему абсолютно неприемлемой с точки зрения развития человечества именно тем, что она отрицает национальное: «Пролетарии всех стран не соединятся никогда, потому что их всегда будет отделять друг от друга предпочтительное чувство каждого к своей стране» [10, с. 1].

Надо сказать, что в 1918 году он смело высказывает свое неприятие режима, буквально призывает сбросить иго большевизма – пишет, что «Россия должна встать с колен», «стряхнуть с себя наконец тот кошмар, тот черный и кровавый туман, который напустили на нее залетевшие к нам черные вороны» [4, с. 66].

Однако после Гражданской войны, жестокой политики в деревне, расстрела царской семьи и зверств ЧК неприятие Айхенвальдом большевистского режима становится яростным. К 1921 году по причине невозможности откровенно высказываться в прессе он начинает прибегать к «эзопову языку». Так, в статье «Особое мнение. К 100-летию рождения Ф. М. Достоевского», опубликованной в журнале «Вестник литературы», критик искусно цитирует «Дневник писателя»: «Дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятием человечества, прежде чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов» [5]. Приведя еще несколько столь же резко критических высказываний Достоевского в адрес социализма и революции, он завершает цитирование словами писателя о «духовной потребности русского народа» в страдании и пишет, что «указанная жажда русского народа, кажется, утолена в полной мере» [Там же]. Последняя фраза статьи недвусмысленна: «нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути», «нашей республике не подобает славить годовщину его рождения» и «необходимо сделать выбор между Достоевским и ею, республикой этой» [Там же]. Иначе говоря, Достоевский предсказал, с точки зрения Айхенвальда, «нынешний мрак» и потому является обличителем установившегося режима, вся его гуманистическая проповедь абсолютно противоположна социалистической идеологии: Достоевский не с советской властью, он против «республики этой» (обращает на себя внимание знаковая инверсия у тонкого стилиста Айхенвальда и местоимение «эта» вместо «наша»). Столь жесткая заметка была спровоцирована не в последнюю очередь смертью Александра Блока и расстрелом Николая Гумилева, следовавшими в течение августа 1921 года. На интеллигентскую общественность эти две следовавшие одна за другой смерти произвели страшное впечатление [11, с. 161-164]. По свидетельству Бориса Зайцева, Айхенвальд «вскоре после убийства Гумилева прочел восторженный доклад о Гумилеве и Ахматовой» [15, с. 3] во Всероссийском союзе писателей – для подобного поступка нужна была недюжинная смелость.

В январе 1922 года Айхенвальд и другие деятели литературы подписали письмо правления Всероссийского союза писателей, содержащее протест против цензурного произвола [17]. Настоящей же бомбой и ярчайшим примером применения «эзопова языка» стала статья Айхенвальда «Гумилев», напечатанная в сборнике «Поэты и поэтессы» и вызвавшая яростный и крайне злобный ответ Л. Д. Троцкого «Диктатура, где твой хлыст?» в газете «Правда». Атрибуция статьи в «Правде», подписанной «О.», была произведена М. Е. Главацким, который на большом фактическом материале доказывает, что вся деятельность старой дореволюционной интеллигенции в 1920-22 годах: выступления, книги, статьи, создания союзов и организаций – послужила причиной высылки их на «философском пароходе» [14, с. 70-71]: они не хотели «придерживать свои убеждения или менять их, они думали, писали и говорили так, как велела им совесть. <...> Взаимоотношения между ними и властью можно выразить одним словом – *несовпадение*. В чем? В различном отношении к Слову, Свободному слову» [Там же, с. 24-25].

Троцкий в указанной статье нападает на Айхенвальда за то, что его мнение о поэме Блока «Двенадцать» отличалось от официального, что критик «ненавидит» Брюсова «всеми источниками своих нагноений», поскольку тот оказался на стороне советской власти, что критик «мимоходом лягает Некрасова», противопоставляя ему Тютчева и Фета, наконец, за прославление стихотворений Ахматовой о матери погибшего офицера [26, с. 1]. М. Главацкий справедливо пишет о заметке Троцкого: «Статья поражает не столько отдельными оценками, сколько словесной несдержанностью, общим разнузданным тоном, стремлением побольше уязвить, оскорбить, навесить ярлыки» [14, с. 82]. Вот пример стиля данной статьи: «Книжка г. Айхенвальда насквозь пропитана трусливо-пресмыкающейся гнилой, гнойной ненавистью к Октябрю и России» [26, с. 1]. Однако наибольшую ярость у Троцкого вызвало именно эссе Айхенвальда о Гумилеве. Безусловно, в разнообразных статьях и книгах 1919-1922 годов, опубликованных в Советской России, Н. Бердяев, П. Сорокин, А. Изгоев, А. Кизеветтер и многие другие писали о ложности того пути диктатуры, насилия над личностью и тотального ограничения основных свобод, по которому пошли большевики, захватив власть. Но именно Ю. И. Айхенвальд, будучи одним из самых ярких критиков предреволюционной поры и великолепным стилистом, обладая огромным авторитетом в среде интеллигенции, смог выразить общее настроение общественности в 1922 году в столь дерзкой литературной форме. Думается, именно эта дерзость и привела в ярость Л. Троцкого.

Сборник «Поэты и поэтессы», вышедший в мае 1922 года, содержит 4 статьи, одна из которых была опубликована ранее, в 1918 году, – это статья «Блок»: в данном сборнике она помещена с небольшими дополнениями и изменениями. Скорее всего, статья «Гумилев» представляет собой переработанное выступление на заседании во Всероссийском союзе писателей, о котором шла речь выше. Однако то, что было допустимо печатать до Гражданской войны и укрепления советской власти, до начала эпохи строгой цензуры, к 1922 году приносить и публиковать стало рискованно. Поэтому мимо внимания Троцкого не могла пройти и фраза о «Двенадцати» Блока, что поэма «хорошо воспроизводит стиль и ритм товарищей и их действия» [7, с. 25] (обращает на себя внимание слово «товарищей», местоимение «их», отделяющее автора, и словечко «действия» – все это привносит негативную коннотацию в высказывание, ярко выражая отношение критика к данным героям), и пожелание, чтобы красноармейцев было не двенадцать, а «чертова дюжина» [Там же, с. 27], и многое другое.

Дадим беглый анализ статьи Айхенвальда «Гумилев». Вначале критик характеризует Гумилева как «художника-дворянина», «певца-аристократа» [Там же, с. 40]. Далее приводится такая цитата:

«А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокою, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда» [Там же, с. 42].

Это уже прямой намек на гибель поэта, героизация которого очевидна. Далее критик говорит о том, что у Гумилева «повышено сознание собственного достоинства и собственной личности» [Там же, с. 43] и что у него присутствует «благородство его героической природы» [Там же, с. 42]. То есть критик последовательно создает образ поэта-героя, погибшего, но несломленного. Айхенвальд пишет, что поскольку Гумилев «аристократ», у него присутствует «почтительность к родной старине», к «этому кресту» [Там же, с. 43]. То есть поэту присуще преклонение перед всем тем, что новая власть отрицает, против чего ведет борьбу: дворянство, религия, дореволюционные ценности. И дальше напрямую Айхенвальд говорит о революции и отношении к ней Гумилева: «У него – чувство воина к своему вождю, – и этот мотив настойчиво звучит в его поэзии. Мы слышим его в драматической поэме “Гондла” (напечатанной еще в январе 1917 года):

Наступили тяжелые годы,
Как утратили мы короля
И за призраком легкой свободы
Погналась неразумно земля» [Там же, с. 44].

За «призраком легкой свободы» погналась, конечно, Россия, свергнув царя (= «утратили мы короля»). Критик искусно дает встык с этим стихотворением 1917 года стихотворение 1909-го «Воин Агамемнона»:

«Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор –
Жить, потерявши царя!» [Там же, с. 45].

Все то, о чем Айхенвальд не мог сказать напрямую в печати, он говорит в статье от лица Гумилева, его стихами. Безусловно, это вид «эзопова языка». Искусно подобрано и следующее стихотворение – «Императору» 1906 года. Приведем короткую цитату, хотя Айхенвальд цитирует три строфы:

«Горе мне! Я не трибун, не сенатор,
Я только бедный бродячий певец,
И для чего, для чего, император,
Ты на меня возлагаешь венец?» [Там же].

Это явная ассоциация с «терновым венцом», мученической кончиной поэта, а провозглашение себя «верным рабом» [Там же] Императора – намек на верность офицера Гумилева присяге.

Далее критик переходит к теме России в творчестве Гумилева и цитирует практически полностью стихотворение Гумилева «Мужик»: «посвист разбойный», «драки» – и вот уже «мужик»...

«В гордую нашу столицу
Входит он – Боже, спаси! –
Обворожает царицу
Необозримой Руси» [Там же, с. 47].

В результате прихода «мужика» «над потрясенной столицей выстрелы, крики, набат» и звучит сожаление, что от «горя» (связанного с захватом города «мужиком») «не погнулись» «крест на Казанском соборе и на Исакии крест» [Там же, с. 48]. Стихотворение «Мужик», написанное в 1916 году, по мнению исследователей, рисует образ, в чертах которого можно угадать Емельяна Пугачева или Григория Распутина. Однако включение его в данный контекст привносит в него несвойственный ему изначально политический смысл и становится опять-таки ярким высказыванием критика против большевистского переворота.

Завершает свою статью Айхенвальд рассмотрением мотива смерти у Гумилева, что является прямым намеком на трагическую гибель поэта. Он цитирует «Заблудившийся трамвай» («голову срезал палач и мне» [Там же, с. 50]), где явно вызовом звучит слово «палач», и целиком приводит стихотворение «Рабочий» [Там же, с. 50-51].

В завершающей фразе статьи Айхенвальд называет Гумилева «русским рыцарем», а судьбу его – «трагической». В результате, как отмечает Ю. Зобнин, жизнь поэта «представляется как “рыцарский по-двиг”» [16, с. 665].

Можно увидеть, как последовательно, на протяжении всей статьи критик выражает восхищение лирическим героем стихотворений Гумилева, а резко негативную оценку получают через намеки и цитаты сам большевистский переворот, убийство царя, наконец, расстрел поэта. Опубликовать подобную статью в 1922 году было поступком не просто смелым, это грозило как минимум арестом. Неудивительно, что, прочитав дифирамбы «рыцарству» Гумилева и определения «палач», «разбойник» и пр. в адрес представителей власти, Троцкий впал в ярость: «Нет, он (Айхенвальд. – И. К.) всей своей душой... с лагерем белого офицера и художника-дворянина... Это философский, эстетический, религиозный блюдолиз, то есть мразь и дрянь» [26, с. 1].

Не прошла мимо внимания Троцкого и статья «Ахматова» из того же сборника и данный пассаж: «Но еще тяжелее тоска другой матери, той, чье скорбное лицо на фоне русского ужаса показала нам чуткая душою Анна Ахматова:

На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет» [7, с. 75].

«Русский ужас» – это Гражданская война, о ней же чуть выше в статье об Ахматовой читаем: «...бесславный конец войны и то бесславное, что началось за ним» [Там же, с. 72]. Стоит упомянуть, что и в этой статье Айхенвальд делает намек на Гумилева: «Биография пересечется здесь с биографией, его стихи встретят ее, потому что и она их пишет, и из стихов в стихи переливается дыхание обоих: “голос твой поет в моих стихах, в твоих стихах мое дыхание веет”. К ордену поэзии принадлежат они оба, дышат ею оба...» [Там же, с. 67].

Заканчивая беглый анализ сборника «Поэты и поэтессы», следует признать, что публикация подобной книги в 1922 году была самым настоящим гражданским поступком. Можно определенно сказать, что сборник сыграл не последнюю роль в решении большевиков выслать из страны цвет интеллигенции.

В целом отношении Юлия Айхенвальда к революции менялось: от восприятия ее в феврале 1917 года как события, давно назревшего, отвечающего общественно-исторической необходимости, к непримиримому неприятию ее и последовавшего за ней большевистского переворота к 1922 году.

Окончательно это неприятие было высказано уже в годы эмиграции в статьях и эссе. Завершая статью, еще раз хочу процитировать Айхенвальда – в одной из своих статей эмигрантского периода, выражая свое отношение к революции и всему, что за ней последовало, он пишет: «И Россия из революции выходит изуродованная. Она потеряла миллионы людей, огромные территории, свои святыни, уважение человечества, свою культуру... <...> ...она потеряла мощь своего тела и своего духа, своих солдат и своих ученых, свои предания, свои реальные и идеальные опоры, преимущество своего развития, темп своей эволюции и даже самое имя свое» [23, с. 2].

Список источников

1. Айхенвальд Ю. В интересах науки // Раннее утро. М., 1918. № 105.
2. Айхенвальд Ю. Дворянское гнездо // Раннее утро. М., 1918. № 12.
3. Айхенвальд Ю. И. Иго имущества. М.: Кошница, 1917. 45 с.
4. Айхенвальд Ю. И. Наша революция. Ее вожди и ведомые. М.: Книгоиздательство «Революция и культура», 1918. 132 с.
5. Айхенвальд Ю. И. Особое мнение // Вестник литературы. Пг., 1921. Год III. № 10 (34). С. 1-2.
6. Айхенвальд Ю. И. Поучение войны // Раннее утро. М., 1918. № 95.
7. Айхенвальд Ю. И. Поэты и поэтессы. М.: Северные дни, 1922. 93 с.
8. Айхенвальд Ю. И. Пророчество // Раннее утро. М., 1918. № 81.
9. Айхенвальд Ю. И. Свобода слова. М.: Народное право, 1917. 16 с.
10. Айхенвальд Ю. И. Трагическая потеха // Раннее утро. М., 1918. № 43.

11. Берберова Н. Н. Курсив мой: автобиография. М.: АСТ; Астрель, 2011. 765 с.
12. Геллер М. Первое предостережение – удар хлыстом (к истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37-64.
13. Гессен И. В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж: YMCA-Press, 1979. 278 с.
14. Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й: историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 224 с.
15. Зайцев Б. Ю. И. Айхенвальд // Возрождение. Париж, 1928. № 1299.
16. Зобнин Ю. В. Комментарии // Зобнин В. и др. Н. В. Гумилев: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 622-685.
17. Из переписки А. В. Луначарского и П. И. Лебедева-Полянского [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/pisma/iz-perepiski-a-v-lunacharskogo-i-p-i-lebedeva-polanskogo> (дата обращения: 10.09.2017).
18. Каменецкий Б. Бездуховность // Руль. Берлин, 1924. № 950. С. 2-3.
19. Каменецкий Б. Духовные эмигранты // Руль. Берлин, 1923. № 785. С. 2-3.
20. Каменецкий Б. Карфаген или Каносса // Руль. Берлин, 1923. № 797. С. 2-3.
21. Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. Берлин, 1923. № 857. С. 2-3.
22. Каменецкий Б. Неотменная // Руль. 1923. № 716. С. 2-3.
23. Каменецкий Б. Оценка революции // Руль. Берлин, 1923. № 923. С. 2-3.
24. Кочергина И. В. Эволюция критического метода Ю. И. Айхенвальда в эмигрантский период // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 27-30.
25. Ландау Г. Айхенвальд-писатель // Руль. Берлин, 1928. № 2457. С. 4-5.
26. О. [Троцкий Л. Д.] Диктатура, где твой хлыст? // Правда. М., 1922. № 121.
27. Рейтблат А. И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
28. Риппинг М. Литературная критика Ю. И. Айхенвальда периода эмиграции: дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2003. 186 с.

ON THE ISSUE OF EVALUATING THE RUSSIAN REVOLUTION IN CRITICISM AND JOURNALISM OF YU. I. EICHENWALD

Kochergina Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology
School № 57, Moscow
irepismo@gmail.com

The article attempts to systematize the views of the critic and publicist Yu. I. Eichenwald (1872-1928) concerning the revolution in general and the 1917 revolution in Russia. The evolution of these views is traced in his articles. The author analyzes the obituaries and memoirs, in which this topic is touched. Particular attention is paid to Eichenwald's book "Poets and Poetesses". The essay "Gumilev" is analyzed in detail. Finally, the conclusion is drawn that Yu. Eichenwald's attitude toward the revolution was changing: from its reception as a long-awaited event in February 1917 through the active rejection of the seizure of power by the Bolsheviks in 1918, to a fierce hostility against the Soviet regime and the Bolshevik regime by 1922.

Key words and phrases: criticism; emigrantica; Russian abroad; Yu. I. Eichenwald; revolution of 1917; periodicals; "philosophical steamship".

УДК 070(091); 316.77(091)

Статья раскрывает специфику деятельности редакции частной региональной газеты «Отклики Кавказа», издававшейся в Армавире в 1909-1918 гг. Внимание уделено первым годам существования газеты – 1909-1911. В это время вырисовывается основное направление издания, его отношение к ключевым событиям мира, страны, региона. Предпринята попытка обозначить основные проблемно-тематические линии газеты. В работе указано, что публикации издания отображали общий ход общероссийских, внешнеполитических и региональных событий с позиции либеральных и социально-демократических кругов. Редакция «Откликов Кавказа» содействовала благоустройству города и утверждала идеалы прогрессивного развития общества.

Ключевые слова и фразы: газета «Отклики Кавказа»; проблемно-тематические линии; информационная политика; рубрика; тематика; тематические пласты и направления; социально-критический подход.

Крижановский Николай Игоревич, к. филол. н., доцент
Рыжкина Наталья Александровна
Армавирский государственный педагогический университет
nicolaykri@mail.ru; natalia.steel@mail.ru

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЧАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «ОТКЛИКИ КАВКАЗА» (НА МАТЕРИАЛЕ 1909-1911 ГОДОВ)

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 17-14-23002 а(р) «Армавирская газета "Отклики Кавказа" (1909-1916): информационная политика редакции, проблемно-тематические линии текстов, жанровая палитра».

Важная составляющая информационной политики любого СМИ – ведение проблемно-тематических линий [9, с. 292]. Они реализуются через совокупность опубликованных произведений разной направленности